

ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

С. Б. Веселова

аспирант философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель:
академик РАН, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского Государственного университета
Б. В. Марков

СТРОЙ СИМВОЛОВ

ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ В АМЕРИКИ

(ЧИТАЯ РОБЕРТА БЕЛЛА «МИФОЛОГИИ»

РОЛАНА БАРТА)

Copyright © 2013, С. Б. Веселова

В фокусе внимания Роберта Белла оказывается процесс образования символов гражданской религии как живой традиции. Гражданская религия, прежде всего, раскрывает себя как непрерывно творящаяся религиозная реальность, которая создается философской и церковной традициями и опытом американского народа. С. М. Липсет подчеркивает, что американская религия, по крайней мере с начала XIX века, была активным социальным процессом, а не умозрительным, теологическим или сугубо духовным явлением. Из этого опыта и исполняющейся судьбы она черпает свою символику, консолидирующую людей в сообществе, частью которого они воспринимают себя, как на сознательном, так и на бессознательном уровне. В философии символа обычно подчеркивается многомерность символов. В отличие от знаков, одномерных плоских указателей, символ многогранен и укоренен в самые древние пласты традиции и сознания¹. В то же время ему необходимо быть включенным в живой опыт и практику, быть используемым в культах и праздниках, постоянно присоединяя и наслаивая все новые и новые значения вокруг своего консолидированного историей ядра смыслов. Будучи скрепой религиозного сознания, уходя корнями в то, что «древней того, что было древле», символы тем не менее умирают или выхолащиваются до голого означающего без подпитки новыми, актуальными «здесь и сейчас» событиями, способными дать и подтвердить их вечные темы, наполнив новыми именами и героями. Если эти события и герои не приходят, символ костенеет в фундаментальном значении, которое, подобно панцирю мертвого существа, может быть наполнено любым, даже чуждым ему, паразитирующим на его форме содержанием. Этот процесс выхолащивания символа и наполнения его чуждыми смыслами на примере работы современной рекламы и масс-медиа хорошо показан в работах Р. Барта². Какими же событиями «живет» символ? Из каких моментов жизни народа и личностей он сублимирует поле своих значения? Тексты многих семиологов и теоретиков культуры наталкивают нас на одну

и ту же мысль. Символы кровожадны. Символы живут смертями. Они животворятся знаками смерти на живом. Нуждаясь в постоянном обновлении, они требуют вновь и вновь испытаний, закладных жертв, беззаветно отданных жизнью, совершающих подвиги героев и находящихся в поисках «земли обетованной» странников или «града небесного» отшельников. Белла показывает, почему фигура Линкольна играет столь важную роль для американского религиозного сознания и каким образом она становится одним из символов гражданской религии Америки. «Тема смерти и жертвы входит в гражданскую религию Америки с гражданской войной. Символическое сознание соединяет прошлое и настоящее, гражданская война соединяет с христианским жертвенным актом смерти и возрождения. Жизнь и смерть Линкольна стали ее символами»³. «Тема мученической смерти Христа объединилась в сознании американцев с мученической кончиной Линкольна», таким образом, «Линкольн дал символическому значению новое поле боя (жизни), которого ему не доставало»⁴.

Белла рассказывает, как создавалась символика американской гражданской религии. Самая ранняя символика гражданской религии была древнееврейская, без акцента на евреях. Исход, Избранный Народ, Земля Обетованная, Новый Иерусалим, Жертвенная Смерть и Возрождение. Это было вызвано тем, что Америка в каком-то смысле была и всегда рассматривалась американцами как земля обетованная, обещанная им Богом. Стало быть, пришедшие в эту землю должны были распорядиться ею с той же ответственностью, что и Бог, принять на себя эту ответственность и заключить с нею завет. Осваивая эту новую землю, американцы не могли не чувствовать своей особой, менее опосредованной, чем в Старом свете, связи с Богом и божественным предначертанием. Над пирамидой на Большой государственной печати Соединенных Штатов сказано на латыни «Бог покровительствует нашему делу». И этим сказано все. Другой особенностью Америки явилось то, что

гражданская религия никогда не находилась в оппозиции. Это было связано с тем, что британские переселенцы, стряхнув с себя власть Папы, принесли с собой в Новый свет особую форму христианства: «Американская гражданская»⁵. И именно поэтому она смогла создать влиятельные символы национальной солидарности и мобилизовать глубокие уровни личной мотивации на достижение национальных целей. Символы скрепляют религиозное сознание и сообщество. Белла уделяет особое внимание тому, как возникали главные, сугубо американские, символы гражданской религии. Разумеется, как и должно, эти символы вышли из испытаний, посланных американскому народу, однако, как мы увидим далее, войны, смерти и жертвы как раз таки обеспечивали непрерывный состав и жизнеспособность символической скрепы общества, тогда как современное состояние американского общества не порождает обновления символики, подпитывающей гражданскую религию. Но вернемся к тому, каким образом Америка создала строй «главных символов гражданской религии», какие события создали эту символику. Важнейшим событием, несомненно, была гражданская война, которая вновь актуализировала темы смерти, жертвы и возрождения. Геттисбергское обращение Линкольна, в котором он говорит о тех, кто отдал свою жизнь ради того, чтобы эта страна жила, стало частью «Нового Завета Линкольна среди гражданских священных писаний». Гражданская война породила своих пророков и мучеников, как Линкольн и Джефферсон, свои священные события, нашедшие отклик в национальных праздниках, День Поминования, День Благодарения, День Ветеранов, День рождения Линкольна, а также священные места, как Арлингтонское и Геттисбергское национальные кладбища. Все это стало физическим и ритуальным воплощением новой символики Америки. В этом контексте произнесение иннаугурационных обращений на кладбищах уравнивает президентов со жрецами и пророками, слова которых становятся священным писанием. Превращение трагических событий войны в национальные праздники обеспечило ритуальный календарь гражданской религии. Гражданская война дала новую жизнь и смыслы символу американской свободы (увечковеченному в небезызвестном памятнике, ставшем брендом и растиражированном ныне в самых профанных измерениях). Свободы, понятой не только как освоение новой предначертанной Богом земли, но и свободы, понятой как освобождение от рабства. Это была «американская свобода», понятая уже не только как расширение могущества и благосостояния, но и как вопрос о выборе ценностей. «Редко мы встречаемся с испытанием, которое испытывает не наш рост или достаток, или наше благосостояние или наше общество, но, скорее, наши ценности и намерения и смысл нашей любимой страны. Вопрос о равных правах американских негров как раз такой вопрос. И даже если мы удвоим наши богатства и завоюем звезды и все еще будем неравны в этом вопросе, то мы потерпим неудачу как люди и как

страна. Ибо для страны, как и для человека: “Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?”»⁶.

Предметом беспокойства Белла является вопрос: почему события нынешней жизни Америки не порождают новой символики и к каким последствиям это ведет гражданскую религию? На примере символов «американской свободы» и «божественного предназначения» или «избранности богом» Белла показывает, как лишенные вливания живой крови происходящих в настоящем событий символы умирают. Символ держится давно минувшим, но он не существует без электрического разряда, который замыкает его на живом настоящем. Лишенный «вызова настоящего» символ окостеневает, становясь догмой, пустой оболочкой, мертвыми стенками сосуда, в который авантюристы и политики могут вливать любое содержание, паразитирующее на древней прекрасной или пафосной форме. По свидетельству Белла, эти символы используются ныне, «чтобы узаконить несколько авантур в имперской политике в начале девятнадцатого века. Никогда еще опасность не была больше, чем сегодня». В хитросплетениях американской политики, упирающей на ценности демократии и свободы, однако оказывается, что «те народы, которые на данный момент “на нашей стороне” позиционируются как “свободный мир”». Так репрессивная и неустойчивая военная диктатура в Южном Вьетнаме оказалась «свободным народом Южного Вьетнама и их правительством». И когда американские солдаты умирали в несправедливой войне во Вьетнаме, разве не был использован американскими политиками великий символ жертвоприношения? Так захватническая война «стала священной, взывая к великой теме жертвоприношения». Этой профанации не избежал даже центральный для религии символ Бога. «Может ли человек, сознательно сомневающийся в употреблении слова “Бог” в том смысле, в котором его использовали Кеннеди и Джонсон, быть избранным главой государства в нашей стране? Если вся символика понятия “Бог” потребует пересмотра, то это вызовет очевидные последствия для гражданской религии, последствия, возможно, либерального отчуждения и фундаменталистского окостенения, которые до сих пор не были заметны в этой сфере»⁷.

Таким образом, выхолащивание ключевых американских символов, наполнение их паразитирующими смыслами, как и подмена основания, из которого традиционно произрастало поле значений символа, вызывает тревогу Белла. В этом процессе он усматривает опасные и необратимые последствия для гражданской религии в Америке, которая всегда была сочленением между религиозной, философской традициями и народными убеждениями, то есть очень органично соединяла традицию и живое настоящее.

В контексте тех испытаний, с которыми сталкивается гражданская религия в Америке сегодня (а именно — искушение независимостью, свободой-рабством и испытание ответственным действием),

в тексте Белла просматривается удел человека, выброшенного из поля ориентации посредством подлинных символов. Символы, будучи всегда больше самих себя и уходя своей непознаваемой частью в наше бессознательное, никогда не ясны нам до конца, тем не менее способны направлять нас как путеводные звезды. Строй символов усваивается нами не только на уровне сознания, но и на уровне бессознательных паттернов поведения и реакций. Символы ведут нас как бы интуитивно и обращаются в прах, будучи подвергнуты рационализации. «Материализуя и давая имя чему-то, что хотя и выглядит как само собой разумеющееся, но воспринимается только на полубессознательном уровне, есть риск потерять все»⁸. Когда это измерение ориентации человека нарушено, он распадается на интеллект и физическую силу, точка сочленения которых разбита. Он стоит перед дилеммой выбора дорог, обе из которых ведут его в пропасть. Во время анализа этого состояния слова Белла приобретают подлинный пафос поэзии: «...мы оказываемся в сомнении: отдать ли нам предпочтение нашей физической силе скорее, чем интеллекту, и мы частично уступили этому искушению. В изумлении и отчаянии, когда наша ужасная власть не приносит нам мгновенный успех, мы оказываемся на краю пропасти, глубину которой не знает никто из нас». Этот пассаж Белла усиливает цитатой из не менее будоражающих строк Робинсона Джефферса:

Несчастливая страна, где твои крылья!...
Плакать (удел человека), оплакивать
ужасное великолепие того, что отпущено тебе,
Нелепое неведение причин,
кровавый и убогий
Пафос последствий⁹.

Есть ли в наше время события, способные дать американским символам новую жизнь, а значит, заставить их вновь работать, как и прежде, могущественными ориентирами? Белла ставит под сомнение, что «ведущиеся успешные переговоры о достижении некоего рода жизнеспособного и согласованного мироустройства могли бы привести к образованию основного набора символических форм»¹⁰. Так же он сомневается в возможности Организации Объединенных Наций «стать центром культа». На момент написания работы, а это 1967 год, Белла видит путь, животворящий для Американской гражданской религии, во «включении живой международной символики в нашу гражданскую религию или, возможно, лучший способ установить культ привел бы к тому, что американская гражданская религия стала бы просто одной из частей новой гражданской религии мира»¹¹. Интересно, что Белла накануне всем известного

1968 года, отмечающего начало новой эпохи смыслов (эпохи называемой постмодернизм), провозглашает интеграцию и глобализацию, взаимопроникновение символов самых различных религий и «религиозных традиций вне сферы одной только библейской религии» как единственный возможный путь сохранить гражданскую религию как обновляющуюся, а значит, жизнеспособную. Таким образом, мы не можем не констатировать следующего:

- 1) Отсутствие в жизни Америки подлинных мощных событий, как смерть, жертва, возрождение из пепла, которые могли бы дать гражданской религии обновленную символику. (Тогда как обновление символики, по мнению Белла, необходимый залог жизнеспособности гражданской религии.)
- 2) Замена событий строем знаков. Именно к этому приведет идея интеграции в американскую гражданскую религию символики любых других «живых религий», «не обязательно библейских».
- 3) Гражданская религия, которая уже перестанет быть собственно американской, выживет за счет вливания символов, порожденных событиями, никогда с нею не бывших, но отныне она научится сопереживать им как своим собственным (будь то рождение Будды или вознесение на белом быке Лао Дзы). Так гражданская религия в своих лучших проявлениях станет подлинным пониманием универсальной и трансцендентной религиозной реальности. Все это делает работу 1967 года Белла особенно интересной и значимой как гениальное предвидение той ситуации многообразного многомерного переплетения символической палитры религиозного опыта, пассивными или активными адептами которой мы являемся ныне.

Примечания

- ¹ Лотман Ю. М. Символ в культуре. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 192.
- ² Барт Ролан. Миф как семиологическая система. Семиотика, Поэтика (Избранные работы). М., 1994. С. 78.
- ³ Bellah R. Civil Religion in America. Reprinted by permission of Dædalus, Journal of the American Academy of Arts and Sciences, from the issue entitled, «Religion in America». Winter 1967. N. 1. Vol. 96, P. 1–21. http://www.robertbellah.com/articles_5.htm.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.